

Геннадий Обатнин (Хельсинки)

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ КРОХОТКИ
К ТЕМЕ «ВЯЧ. ИВАНОВ И М. КУЗМИН»

«Башенный» период в жизни и творчестве Михаила Кузмина описан¹. Он начался еще до водворения писателя в ивановской квартире летом 1909 года, когда поэт, проживая этажом ниже, в квартире-студии Е. Н. Званцевой, фактически влился в круг семьи и обрел домашнее имя Аббат. Благодаря публикациям юбиляра, нам известно о влюбленности в Кузмина Веры Шварсалон весной 1908 года, а также об увлечении его поэзией обоих пасынков Иванова. Однако свои чувства испытывала и двенадцатилетняя Лидия. Об этом свидетельствуют ее письма к уехавшей в Крым сестре, в то время как она осталась, считая дни до конца учебного года и мечтая о радостях отдыха на юге, как она сообщает в письме от 9 мая, написанном прямо в день отъезда². Выполняя обещание сестре, на следующий день она начала свою летопись башенной жизни, которая «силоу вещей» оказывается редким биографическим источником:

¹ Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Михаил Кузмин: Искусство, жизнь, эпоха. СПб., 2007. С. 219–286. См. также: Богомолов Н. А. Вячеслав Иванов и Кузмин: к истории отношений // Богомолов Н. А. Русская литература начала XX века и оккультизм: Исследования и материалы. М., 1999. С. 211–224; Кузмин М. А. Переписка с В. И. Ивановым. Приложение 1. Записка Кузмина к В. К. Шварсалон; Приложение 2. Письма к М. М. Замятиной // Кузмин М. А. Стихотворения. Из переписки / Сост., подгот. текста, примеч. Н. А. Богомолова. М., 2006. С. 253–274.

² См.: «Киська ускакала в Крым! Я рада за кисю. <...> Маруся спит на своей постели одетая (теперь 4½ часа) Вячеслав еще не проснулся. <...> Начала 9^м Май описывать ведь ты 9 мая утром уехала» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 6. Л. 6–6 об.). В письме от 24 мая 1908 г., объясняя, почему она хочет получить письмо, жалобно добавляла: «Мне же интересно. Я же еще существую и на башне и в Петербурге, да еще долго буду существовать. Разве с Вячеславом скоро уедешь? Сама знаешь» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 6. Л. 12). Подробнее о датах отъезда см. в письме В. К. Шварсалон к С. К. Шварсалону от 13 мая 1908 г., а также в преамбуле к его публикации: Кобринский А. А. Письмо Веры Шварсалон к брату Сергею о подготовке приезда Вяч. Иванова в Судак летом 1908 года // Летняя школа по русской литературе. 2014. № 1. С. 54, 60.

Вера Шварсалон прекратила вести свой дневник накануне отъезда, 6 мая 1908 года¹, а в дневнике Кузмина, переживавшего перипетии своей влюбленности в Сергея Позняка, нет записей между 3 и 12 мая. Но теперь мы знаем, что Кузмин делал 10 мая:

Здравствуй, Киська!!!

Я встала. Сначала я делала композицию на рояле. <...> Аббат приходит злой и нехороший Аббат. Я его позвала и композицию свою показала, а он хоть бы что; подцапал на рояле переврал [полови<ну>] все, не докончил 4 строки и мне ничего не сказав, с умирающим писком своим побежал к Гюнтеру писча <так!> «не покидайте меня Гюнтер»². Ага! Свинка! Доказал, что ему не интересно! Никогда ему больше ничего не покажу! хладнокровцу противному! Ненавижу я этого Аббата! противный! Фу! [Пря] ничего ему не покажу! Ему не интересно? Нет? Так и мне не интересно. Возись со своим Позняковым, мне наплювать <так!>. Дрянь хладнокровная <так!> больше ничего! Прямо бы и сказал «Мне не интересно!» или «Я хочу с Гюнтером идти» А не увивал бы как змея, да удирал как трус! Ничего открыто не может сделать. Ничего в нем хорошего нету. А композицию я мало еще написала она длиннее и серьезнее тех³.

Впрочем, на следующий день, в письме от 11 мая, она сменила гнев на милость:

Дорогая моя Верушка

Как поживаешь? Ну Бог с ним с этим Аббатом нашим. Знаешь ли ты, что он вчера был в ужаснейшем настроении. Сидел ни Аббат вчера за столом, а «cadavre»⁴ какой-то. Он сидел с полу раскрытым ртом и глядел мертвыми глазами рассеянно повсюду. <...>

¹ Дневниковые записи В.К. Шварсалон // Богомолов Н.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995. С. 328.

² Поэт и переводчик Йоханнес фон Гюнтер (1886–1973), гостивший в это время на «башне».

³ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 6. Л. 7–7 об. О насыщенности музыкой и пением быта квартиры Ивановых, в частности о том, как Кузмин любил исполнить «Аппassionату» Бетховена в три часа утра, вспоминал живший в эти же дни на «башне» Б. Пэрс (см.: *Pares B. My Russian Memoirs*. London, 1931. P. 132).

⁴ «Труп» (*фр.*).

С Вячеславом у меня каждое утро разговоры, беседы текут. Я думаю, кабы мне скорей ворваться <так!> в Крым. Скорей бы¹. <...>

Июнь и июль 1909 года Лидия проводила в Царском Селе, откуда регулярно посылала сестре письма-дневники на двух языках². В основном они посвящены воинственным играм капитана Лиденса. Так звучало одно из ее постоянных имен в принятой между сестрами игре в страну Имбирию (во французском ее наименовании, l'Imbéria, вместо названия пряности слышится латинская imperia), которую вместе с ней защищал также капитан Веренс. В этот корпус входит и письмо, полученное в Петербурге, судя по почтовому штемпелю, 22 июля 1909 года. Из него мы узнаем о реакции на согласие Иванова дать постоянный кров Кузмину на башне (сохраняем орфографию подлинника): «Je suis très content que l'abbé [est] demeure d<an>s la tourre. Est-ce pour longtemps? Tirres Vinseslav de la tourre au plus vite que possible. Génia vient souvent. A moi aussi je vais chez eux. J'ai été chez les Goumilief Jeudi»³. Поделившись своими

¹ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 6. Л. 9–10.

² Дата ее возвращения устанавливается из дневниковой записи Иванова от 16 августа: «Я был еще в постели, когда вбежала вернувшаяся из Царского Лидюша» (Иванов В. Собр. соч. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 790). Ср. в письме Кузмина к Ал. Чеботаревской от 27 июля 1909 г.: «Вяч. Ив. работает, а по вечерам мы всегда читаем вслух разные разности и занимаемся музыкой. Сегодня М. М. <Замятнина> ездила в Царское, так что на „маленьком вставанье“ присутствовал я, тут же получили и письмо Веры Конст. <антиновны> о „пессимистич.<еском> носильщике“ etc.» (ИРЛИ. Ф. 189. № 111. Л. 1). «Маленькое вставанье» (аллюзия на «lever du roi», публичную процедуру утреннего туалета французских королей) упоминается и в дневнике Кузмина за этот день: «Был на „petit lever“ у Вяч<еслава>» (Кузмин М. А. Дневник 1908–1915 / Подг. текста и комм. Н. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 155). Порядок этого шуточного обряда на башне послужил предметом для карикатуры С. М. Городецкого под названием «La lever du roi» из рукописного юмористического журнала «Les pucés de gamins», описанной в мемуарах Л. Ивановой: «Отец проснулся и звонит в колокольчик. Часы показывают два часа дня. По коридору едет во всю прыть в какой-то вагонетке Маруся. В вагонетке поднос с завтраком, почта, на крючках висят предметы оденяния» (Иванова Л. Воспоминания: Книга об отце. М., 1992. С. 37).

³ «Я очень рада, что Аббат остается на башне. Это надолго? Выведите Вячеслава из башни как можно скорее. Женя часто приходит. Я тоже хожу к ним. Я была в четверг у Гумилевых». О согласии Иванова см. запись в дневнике Кузмина от 17 июля (Кузмин М. А. Дневник. С. 153).

воспоминаниями об участии в любительском спектакле по пьесе П. С. Соловьевой «Свобода, солнце и весна», а также мнением о фортепианной игре Е. К. Герцук, она завершала: «Embrasse „Vinseslav le tigre“»¹. Вопрос о том, у кого живет вечно бездомный Кузмин, занимал ее и ранее. Это упоминается в ее письме к В. К. Шварсалон от 27 января 1909 года, написанном в тот день, когда Иванов читал в Литературно-художественном кружке лекцию «О русской идее»:

Дорогой Леопард Кисович. Как поживаешь? Напиши про Козлиную лекцию. <...> Когда мы уехали от Павлы Афанасьевны Маруся захала к Городецким. С.М.Г. был всклокоченный мятый (он только что выздоровел из инфлюенции <так!>) и гулял по всей квартире в шубе. Чулков был у него. Он стал уверять Марусю, что я чуть не потопила литераторство (Леонида Андреева). Что будто бы, когда мы катались на лодке у Черной речки, я его вдруг схватила за волосы, стала топить и его насилу вытащили. И что когда в гимназии про это узнали, то меня выставили оттуда[ва]. Потом Городецкий принес палку и стал атаковать <так!> меня: мы стали возиться, а Чулков нас разнимал. Чулков тоже рассказывал, что Кузмин поселился у Мейерхольда. Ин... ин... странно!

Вдруг сзади Город.<ецкий> схватил мои руки своими лапищами и стал ими (моими руками) тузить Чулкова. Потом мы пошли пить чай. Когда Маруся спросила Чулкова. — «Надежда Григорьевна дома?» Он возвел руки к волосам и сказал: — «Да... она... дома!» Чулков сказал, что он может быть застанет еще Козла в Москве и прибавил — «В тот момент как он (Козик) будет особенно нежен с Брюсовым, я приду и шпагой разделю их». Советую В.<ячеславу> поскорей «prendre le galop»² из Москвы. Поцелуй себя и Козика от меня. Пантера³.

¹ «Обнимай „Вячеслава-тигра“»; НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 6. Л. 31–32 об.

² «Пуститься галопом» (*фр.*).

³ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 6. Л. 19–20 об. (помимо писателей, упоминается мать Замятниной Павла Афанасьевна). Наряду с леопардом и тигром пантера входила в принятую в семье Ивановых кошачью мифологию. На отдельном недатированном листке, возможно, выпавшем из процитированного выше письма от 24 мая 1908 г., она рассказывала сестре: «Послушай как интересно. Когда я родилась или не много позже Вячеслав и мама звали меня пантеркой. Я этого не знала. В *Châtelaine*

* * *

Сюжет несостоявшейся дуэли С. Шварсалона с М. Кузминым (15 октября 1912) и последовавшей публичной пощечины (5 декабря) был введен в научный оборот Н. А. Богомоловым, впервые процитировавшим запись в дневнике Кузмина от 16 апреля 1912 года, где излагалось предложение фиктивного брака от беременной В. К. Шварсалон¹. Несмотря на то, что с тех пор эта история привлекала внимание исследователей², полностью исчерпанной ее считать преждевременно. Число документов, посвященных оценке поведения Кузмина, можно увеличить письмом М. М. Замятниной к Ивановым, посланным из Италии, куда она уехала, дабы устроить их будущую жизнь там на пьядца дел Пополо:

Roma Вторник 29 окт. 1912 Софья Михайловна Рост.<овцева> у же уехала³. Пред отъездом она рассказала мне, что в Петерб.<урге> известно о положении дома. Оказывается, мы пригрели действительного предателя! Известно все благодаря Кузмину, вот подлец!

когда я играла с Коко, Бобом, с Димой и всей той компанией в охоту или прямо в диких зверей я всегда называла себя черной пантерой. Раз когда я пришла к Вячеславу он мне как-то рассказал, что меня звали пантерой, тогда я очень удивилась и сказала про *châtelaine*. Таким образом вышло, что я пантера и меня возвысили еще на чин. Я была бесенком, меня возвысили на чин, искра, теперь же я Черная пантера (Там же. Л. 14; упоминается Шаглен, местечко под Женовой, где находилась Вилла Жава, на которой Лидия проживала в 1900–1907 гг.). Отметим также, что пантеркой Иванов нередко именовал в письмах саму Зиновьеву-Аннибал.

¹ Богомолов Н. А. К одному темному эпизоду в биографии Кузмина // Михаил Кузмин и русская культура XX века. Л., 1990. С. 166–169, а также: Богомолов Н. А., Малмстад Дж. Указ. соч. С. 285.

² См.: Азадовский К. М. Эпизоды // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 123–129; Кобринский А. А. Дуэльные истории Серебряного века: Поединки поэтов как факт литературной жизни. СПб., 2007. С. 327–364.

³ С. М. Ростовцева (1878–1963), искусствовед и супруга известного историка античности и близкого друга Ивановых. Одним из эпизодов длительного их общения стали совместно проведенные дни в Риме летом 1910 г., которые, судя по всему, оказались решающими для сближения Веры с отчимом — см. июльские и сентябрьские письма Ростовцевой к В. К. Шварсалон (*Бонгард-Левин Г. М., Вахтель М., Зуев В. Ю. М. И. Ростовцев и Вяч. И. Иванов // Скифский роман. М., 1997. С. 253–255*), а также письма В. Шварсалон к Замятниной (*Обатнин Г. Из наблюдений над темой «Вяч. Иванов и перевод» // Лотмановский сборник 4. М., 2014. С. 492*).

Когда С. М. вернулась из Крыма — в Августе, ей со всех сторон и устно и по телефону торопились сообщить новость и до ее отъезда 2 сен.<ября> в литерат.<урном> Петерб.<урге> повсюду об Вас говорилось. Она предполагает, что к ее возвращению это уже уляжется, а к будущему году и совсем успокоится. Лучше других отнеслись Нестор и Толстой¹. Нестор и С. М. говорят, что лучше всего повиниться <?> вам. Но Кузмин достоин, действительно, быть застреленным, как паршивая собака, о чем я ему очень хотела бы написать, если бы получила на то разрешение. Да, я это даже и сделать способна. Но Вы, Вячеслав, ни Вера ему, Бога ради, не пишите, потому что такому подлецу Вы не должны писать. Все, что к<a>к бы конфиденциально <так!> вы ему ни сообщили, будет, словно ходячий «плакат», во всеобщее сведение².

Добавим к этому, что Ростовцева, очевидно, с самого отъезда Иванова и Шварсалон за границу была в курсе всех дел. Об этом свидетельствует письмо оставшейся на «башне» Замятниной к ним от 17/20 июня 1912 г., где упоминается какая-то сплетня К. А. Сомова:

Заходила я к<a>к-то к Ростовцевым. Соф. Мих. говорит, что Сомов, оказывается, не вас имел в виду, т. к. она в другой раз говорила с ним много о Вас и Лидии и очевидно он ничего ровно не знает, в этом она убедилась. Тот его камень касался совсем других людей. Софья Мих. говорит, что она еще не сказала Мих. Ив.<Ростовцеву>, т. к. хочет это сказать по случаю, не желая больше Grand cas. Думаю, что это она сочиняет, не может быть, чтобы не сказала³.

¹ Имеются в виду Н. А. Котляревский и, видимо, А. Н. Толстой, оба связанные с Ивановым дружескими и деловыми отношениями.

² НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 19. Л. 57–57 об.

³ Там же. Л. 29 об. «Grand cas», буквально «большой/важный случай» (*фр.*), от выражения «*fair grand cas*», «придавать большое значение». В недатированном письме, относящемся, очевидно, к началу 1913 г., Шварсалон делилась с Ростовцевой: «Скажу Вам только, что я за это время была счастлива как никогда, так, что все, что творилось вокруг нас или, вернее, наших имен в Петербурге, меня больше огорчало за других, чем за себя. Я может быть еще очень по-молодому оптимистична, но не могу не верить, что настоящие друзья окажутся и те, которые все поймут, и только мнение таких мне и дорого. Маленький Дима принес мне большую радость

И К. М. Азадовский, и А. А. Кобринский задавались вопросом, в чем же состояла клевета, в которой столь уверенно потом обвинял Кузмина Иванов. Первый из ученых пришел к выводу, что Кузмин не клеветал, но злословил, а второй — что клеветническим было указание на санкцию Вериной инициативы самим Ивановым. В самом деле, прямых свидетельств, позволяющих реконструировать ивановское отношение, сохранилось относительно немного. Конечно, его интересовало, кто из близких и дальних знакомых находится в курсе событий. Например, 30 сентября 1912 года он писал Замятниной: «Итак, известно Ремизову, Иванову-Разумнику, Волошину, Герцык, что я женат на какой-то молоденькой и у нас ребенок...»¹. Свою оценку вызова Шварсалонем Кузьмина на дуэль Иванов дал в письме к Скалдину от 5 ноября / 23 октября: «Я нахожу, что Сережа поступил естественно, последовательно, корректно, благородно. Разумеется, с его точки зрения; что хорошо для него, было бы нехорошо для нас с Вами». При этом он высказал опасения, что Шварсалон «может не остановиться на этом» и будет искать «каких-нибудь средств отмщения», признавшись в «какой-то уверенности, что он не сделает ничего больше, — все дальнейшее было бы уже ложным, дурным и вредным», «все дальнейшее было бы унижением и для него и для всех нас»².

Будущие события показали, что опасения Иванова оказались более верными, нежели его уверенность. Разъяснение его позиции находим в письме к С. К. Шварсалону, написанном, судя по контексту, в ответ на послание последнего от 8 января 1913 года, где тот, в частности, пенял на молчание семьи после осенних событий³. От ивановского ответа сохранилось только два листа, которые мы приведем

и свет. Он был для нас целым откровением. Теперь ему уже 7½ месяцев» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 37. Ед. хр. 32. Л. 1 об.—2; этой цитатой мы обязаны А. Л. Соболеву, которому приносим сердечную благодарность).

¹ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 9. Ед. хр. 34. Л. 6.

² Из переписки В. И. Иванова с А. Д. Скалдиным / Публ. М. Вахтеля // Минувшее. Вып. 10. Париж, 1990. С. 137.

³ См.: Кобринский А. А. Указ. соч. С. 359–360.

в существенных выдержках: «Ужели ты воображаешь, что я скрывающийся за границей вор или боюсь общественного суда, если я чувствую себя честным и правым? Моя совесть спокойна; я знаю, что мы с Лидией верны друг другу и нашей вере, нашему закону перед Богом, каким он нам открылся, — и этого мне достаточно, чтобы презирать вражду и переносить непонимание». На рассуждения пасынка о возможности организовать им свидание в Риме¹ Иванов указывал, что не понимает, почему не может вернуться в Россию, заявляя, что общественное мнение для него «понятие весьма зыбкое и потому непригодное для того, чтобы служить „кормчею звездою“ моего жизненного плавания». Но наиболее интересна часть, посвященная ответу на упреки в том, что Иванов не убрал обращенных к Кузмину стихов из только что вышедшей «Нежной тайны»:

Что же еще? Запрос относительно напечатанных стихов, обращенных к одному негодяю? Тон запроса, собственно, неправилен, но этим пренебрегу. Во всяком случае удивлен самонадеянностью мысли, что я обязан тебе в этом деле отчетом. Но так как тебе больно видеть в этом как бы противоречие себе, разъясню дело охотно. Первым движением моим по получении вестей о подлых действиях этого лица (это было ведь еще до твоего вызова) было распорядиться об исключении стихов. Но потом я взглянул на дело иначе и распоряжения не послал, а написал строки Скалдину (на стр. 110), где нарочно сказано: «ничего не изменю в том, что слал». Строй этих соображений следующий. Вся книжка («открыта в песнях жизнь моя») автобиографически откровенна и представляет собою наилучший ответ поднявшимся толкам. Стихи к тому, кто, нужно надеяться, по достоинству оценен «общественным мнением», изображают весьма ярко ту степень любви и доверия, какими он пользовался у нас. Гадость его поведения выступает на фоне этого протокола наших прежних отношений еще рельефнее; а что слова «никого не обвиню» относятся именно к нему, это для

¹ В Рим Шварсалон собирался и вне связи с намерением повидать отца, на планируемый медовый месяц, о чем А. Скалдин уже сообщал Иванову в письме от 7 декабря 1912 г. (см.: Скалдин А. Письма к Вячеславу Ивановичу Иванову / Публ. З. Гимпелевич, примеч. В. Крейда // Новый журнал. 1998. № 212. С. 179).

всех, знакомых с толками. Что это «не обвиню» не имеет смысла «одобряю», также очевидно из последней строфы:

Ты негодуешь? <...>¹

И что все вышеизложенное принимается и истолковывается в предопределенном мною смысле, вижу, напр., из письма Софьи Михайловны Ростовцевой: «Прекрасна новая книга Вяч. Ив., и истина — последние стихи, к Скалдину». — Напротив, старательное изглажение имени недостойного в этой книжке, после 2го т. *Cor Ardens*, только что вышедшего, где дана даже его музыка к одному из самых задушевных признаний² — было бы только банально-естественно и в результате означало бы молчание о всем происшедшем...³

К этому эпистолярному диалогу присоединилась и Вера, которая в недатированном письме сообщала брату, что Вячеслав дал ей прочесть его письмо, жалела, что возникла «мучительная и бредовая путаница», и объясняла, что давно хотела «рассказать мою интимную жизнь, так как она теперь определилась»:

А именно, в двух словах: что так же, как я для него как [бы] переданная Мамой [для] чтобы в известном смысле представлять ее

¹ Далее следует последняя строфа обращенного к А. Д. Скалдину стихотворения «Мирные ямбы», написанного в ответ на аналогичное предложение. Это же стихотворение подразумевается и в предыдущих строках письма, ср.: «Нет, ничего не изменю / В том, что слагал. Открыта в песнях жизнь моя. / И никого не обвиню! // Ты негодуешь? Презирать придет пора; / Пора другая — сострадать. / Впервые ль видишь искаженным лик добра / И в грязных тернах Благодать?» (Иванов В. Собр. соч. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 59).

² Имеется в виду латинское стихотворение «Breve aevum separatum», которое Иванов «услышал» в одном из своих видений от покойной жены и поставил эпиграфом к четвертой книге сборника «Cor ardens», названной «Любовь и смерть» (см.: *Wachtel M. Viacheslav Ivanov: From Aesthetic Theory to Biographical Practice // Creating Life. The Aesthetic Utopia of Russian Modernism* / Ed. by I. Paperno and J. D. Grossman. Stanford, 1994. P. 159–162; а также: *Обатнин Г. Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907–1919)*. М., 2000. С. 42, 64). Ноты Кузмина, написанные на слова этого гимна, завершали второй том ивановского сборника.

³ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 10. Ед. хр. 45. Л. 14–15 об. Цитируется последняя фраза из поздравительного письма С. М. Ростовцевой от 31 декабря 1912 г. (см.: *Бонгард-Левин Г. М., Вахтель М., Зуев В. Ю.* Указ. соч. С. 255).

на земле, а он для меня, по моему убеждению, назначен Мамой, и единственный мужчина, на свете, с которым я могу быть, и давший мне с тех пор, как мы соединились, счастье, после годов бесконечной тоски. Итак, я соединила свою жизнь с его, как, впрочем, и раньше, [не могла] когда [я] во мне еще не ясно прозрело что [мне] [настоящ] для меня настоящая жизнь и счастье, я не мыслила возможным уйти из этой родной мне навсегда. Мне всегда казалось, что я вообще не способна на брак и что мне суждено остаться старой девой, что меня [даже] отнюдь не прельщало, и мысль о возможности жить с кем бы то ни было брачно мне была абсолютно неприемлема. И только мое соединение с Вячеславом мне [дало] было единственное возможное и дало мне, когда оно осуществило<сь>, полноту жизни и радость. Радость эта полным <так!> светом разгорелась и преобразила мою жизнь теперь, когда у меня родился сын, кот.<орый> при шел <так!> ко мне как светлое благословение и сделал меня бесконечно счастливой.

Столько об этом. Что касается до вопроса о Кузмине, то я [никогда] могу тебе только сказать «спасибо» за то, что ты защитил мою честь и рисковал для этого своей жизнью. Я была совершенно согласна со всем, что Вячеслав писал тебе в своем последнем письме. Скажу только, что для меня Кузмин не мужчина, а баба последней подлости и низости, но баба, к которой я относилась как к другу и больше, чем другу, но которая, предав меня, кроме того, заведомой ложью осложнила предательство¹.

* * *

Нам уже приходилось бегло писать о том, что у предложения Верой Кузмину фиктивного брака, которое тот зафиксировал в дневнике от 16 апреля 1912 г., была своя предыстория². Если вопрос, насколько Иванов был осведомлен о предложении Шварсалон, пока остается без ответа, то обращение к В. Ф. Эрну за дружеской помощью в создавшейся

¹ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 37. Ед. хр. 38. Л. 22 об.—24.

² Обатнин Г. «Філія» Вяч. Иванова как ракурс к биографии // Вяч. Иванов: pro et contra. Личность и творчество Вячеслава Иванова в оценке русских и зарубежных мыслителей и исследователей. Антология / Сост. К. Г. Исупов, А. Б. Шишкин; комм. коллектива авторов. СПб., 2016. Т. 2. С. 847.

щекотливой, с точки зрения обыденной морали, ситуации, было, несомненно, сделано с его согласия. Роль посредницы здесь играла М. М. Замятнина, но в ее письмах к Иванову в этой связи кроме Эрнэ упоминается некий М. П., которому, как нам ранее представлялось, было сделано то же предложение. Ознакомившись некогда с первым вариантом нашей работы, юбиляр в частном письме с надеждой спрашивал, не могут ли в тексте письма стоять инициалы М. А.? Теперь можно сказать, что за ними скрывался муж подруги Замятниной по Высшим женским курсам Митрофан Павлович Иолшин, которому никак не могло быть предложено то же, что и Кузмину, а, скорее всего, какая-то форма приёма в семью будущего ребенка.

О длительных отношениях Замятниной, а потом и всей семьи Ивановых с Иолшиными свидетельствуют их письма, сохранившиеся в архиве поэта и заслуживающие отдельного разговора. Пока же последовательно изложим детали миссии Замятниной. В середине января 1912 года она посетила друзей, находившихся в Броссаго, швейцарском городке на берегу Лаго-Маджоре на границе с Италией. Интересно, что радушно встретившие ее Иолшины оказались поклонниками Кузмина:

Уж очень курьезно, Иолшины, оказывается, страшно почитают М. А. Кузмина, считают лучшим, изящнейшим из современ.<ных> писателей, — это за его александр.<ийские> песни и еще кое за что. Очень жалею, что не взяла с собой «Сети». Заговорили о Кузмине сами, ничего не зная, что он живет с нами и очень одобрили, узнав, что он живет у нас¹.

Несмотря на то, что посланница сразу сообщила, видимо, не вдаваясь в детали, об интересном положении Веры, о самом разговоре она написала 21 января (3 февраля):

Вчера, наконец, говорила с М. П. о деле. Ответ отрицательный на основании внутрен.<них> и глубоких причин. Раньше, конечно,

---

¹ Письмо от 16 января русского стиля 1912 г. (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 19. Л. 6). Упоминаются поэтический цикл «Александрийские песни» и первая книга стихов Кузмина.

говорит «сказал бы — да». Но теперь чувствует всю мистическую глубину, и боится, что это может и его и ее раздавить впоследствии. Очень огорчен, что должен сказать — нет. Отнесся очень хорошо. Говорить Ек.<атерине> Пав.<ловне Иолшиной> не будет, т.к. раз нет, то нечего лишнему человеку и говорить об этом, сам так сказал. Очень благодарил за доверие, и, конечно, это будет полная и навеки тайна. Проникся большой нежностью к Вере и нежно стал ее называть Верочкой. М.П. очень советует и даже просит ни в каком случае не предпринимать ни подобного шага, ни другого, кот.<орый> он сам предположил возмож.<ным>. И то, и другое впоследствии может очень тяготить. Но ни в каком случае не действовать и в открытую, т.к. тут уж слишком невозможные могут быть последствия, это совершенно немыслимо по разн.<ым> юридическим следствиям. Он очень советует за границей записать ей на себя, а затем, через несколько лет узаконить. М.П. говорит, что он совершившееся вполне понимает, к<a>к совершенно роковое и неизбежное, к<a>к следствие большой любви, перенесенной неизбежно на оставшееся близкое, дорогое самое¹.

Получив этот ответ, Замятнина едет в Рим и письмо от 28 января уже пишет на виа дель Бабуино в кругу столь же радушной семьи Эрнов, куда порой заходит поспорить и Н.А. Бердяев, а вскоре приезжает Е.К. Герцык². Письмо Замятниной от 2/15 февраля, где она передавала свой разговор со смущенным Эрном, предложившим Вере переехать к ним сначала в Рим, потом в Гейдельберг, мы когда-то уже цитировали. Однако к нему важно добавить, что во время этого первого разговора Замятнина всего лишь «Попросила его пораскинуть умом и помочь [выйти из затруднительного положения]. Сама пока не делала никаких личных к нему запросов»³. Таковые, очевидно, все же планировались, так

¹ НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 19. Л. 16–16 об.

² Разумеется, философы проводят время в спорах, о чем косвенно свидетельствует любопытная цитата из этого письма: «И Эрн, и Н.А. Берд.<яев> очень вам кланяются, всему семейству просят. Сегодня Влад. Фр. читал из „По звездам“, что Вы говорите о Рафаэле, для убеждения Н.А.» (Там же. Л. 9 об.).

³ Там же. Л. 13.

как в приписке от 5/18 февраля она добавляла: «Влад. Фр. я ничего и не скажу о том предположении, о кот.<ором> мы предполагаем, т.к. он внутренне не приемлет факта, но очень жалеет, понимает затруднительность страшную положения и готов с внешней стороны всячески помочь, предлагает Вере жить с ними в Тифлисе, если это устроило бы. Он очень жалеет Веру, очень любит и Вас, но...». Впрочем, Эрн «безусловно находит, что надо, чтобы ни одна душа об этом не знала, иначе вы себе и представить не можете, сколько неприятностей из этого может выйти»¹.

После этой неудачи Замятнина вернулась обратно в Броссаго, ворчливо заметив: «Отдыхаю душой от душевной добродетели Эрнов». Теперь переезд в Швейцарию казался ей единственным выходом:

Думаю, что Вере, в конце концов будет очень хорошо поселиться в Brossago. Ужасно симпатичное, отзывчивое отношение обоих Иолшиков <так!> (я сказала Ек. Пав. про Веру). На них, на их всяческую помощь можно вполне положиться. Вере тут будет очень уютно и всячески тепло. Затем в смысле медицинской помощи, то здесь есть очень надежная, а затем Цюрих со всяческими удобствами в нескольких часах (в 5 часах Цюрих, а Милан в 3^х). Но и местная помощь медицинская достоверно хорошая. Всякие научные книги можно безусловно устроить получку из Германск<их> библиотек.

Иолшины мечтают, что Вера теперь приедет одна, а по окончании Ваших экзаменов приедете и Вы, Вячеслав, сюда, а может быть, и мы все. Ек. Павл. приискала уже Вере комнату².

В конце мая того же года Ивановы уехали во Францию, однако для всей петербургской корреспонденции был оставлен адрес «Лозанна, до востребования».

¹ Там же. Л. 14.

² Письмо от 22/8 февраля (Там же. Л. 10–11). Упоминаются экзамены на курсах М. П. Раева, где служил Иванов. Далее, в приписке от 23 февраля, следуют денежные расчеты стоимости комнаты и прочие бытовые детали. Своего рода завершением сюжета может служить цитата из письма Е. П. Иолшиной к Иванову от 23 декабря 1912 г., которой опять щедро поделился с нами А. Л. Соболев, при посылке вырезки из газеты с заметкой о пощечине С. К. Шварсалона Кузмину: «Сию минуту пришла газета с прилагаемым известием. Очень взволнованы» (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 54. Л. 5).